

АЛЕКСАНДР ГИЛЬФЕРДИНГ

**ЧЕШСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Александр Федорович Гильфердинг

Чешская литература

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25722952

Аннотация

«Если каждая литература отражает в себе положение и исторические судьбы народа, то этот отпечаток внешних обстоятельств едва ли обнаруживается где-либо явственнее, чем в литературе чешской. Передовой страж славянства на западе, народ чешский в продолжение первых веков своей истории (IX–XIV) видел, как славянские племена, стоявшие рядом с ним и покрывавшие его границы, мало-помалу уступали напору германской народности, как они частью истреблялись германским мечом, прокладывая дорогу немецким колонистам, частью добровольно перенимали немецкий язык и быт и превращались в яростных немцев; он видел, как кругом его земли осыпалась, так сказать, славянская почва, заливаемая немецкою волною, и он, наконец, остался один, окруженный и с запада, и с севера, и с юга, и отчасти даже с востока немцами; он видел, он чувствовал, как немцы стремились и на него, как им нужно стало покончить и с ним, с этим последним славянским клином в разросшемся теле Германии. Борьба за существование сделалась главною историческою задачею чешского народа...»

Александр Гильфердинг

Чешская литература

Если каждая литература отражает в себе положение и исторические судьбы народа, то этот отпечаток внешних обстоятельств едва ли обнаруживается где-либо явственнее, чем в литературе чешской. Передовой страж славянства на западе, народ чешский в продолжение первых веков своей истории (IX–XIV) видел, как славянские племена, стоявшие рядом с ним и покрывавшие его границы, мало-помалу уступали напору германской народности, как они частью истреблялись германским мечом, прокладывая дорогу немецким колонистам, частью добровольно перенимали немецкий язык и быт и превращались в яростных немцев; он видел, как кругом его земли осыпáлась, так сказать, славянская почва, заливаемая немецкою волною, и он, наконец, остался один, окруженный и с запада, и с севера, и с юга, и отчасти даже с востока немцами; он видел, он чувствовал, как немцы стремились и на него, как им нужно стало покончить и с ним, с этим последним славянским клином в разросшемся теле Германии. Борьба за существование сделалась главною историческою задачею чешского народа. Если он не пал в столь неравной борьбе, то этим он обязан отчасти выгодам своего положения в стране, которой горы долгое время служили природною защитою, а еще более тому, что начатки просве-

щения были им приняты с славянского востока, а не с германского запада. Но борьба за сохранение своей славянской народности должна была поглотить все помыслы, все живые силы чехов, и подчинить себе, как орудие, их литературу, также как она подчинила себе их общественную и политическую жизнь. Нет литературы, которая так мало соответствовала бы идеалу *искусства для искусства*. «Ich singe wie der Vogel singt» – этот девиз менее всех идет к чешской литературе и поэзии. У чехов литература и поэзия есть служебное орудие – в настоящее время одно из важнейших, если не самое важное – орудие великой народной мысли: удержать за славянством центр европейского материка, не сдать немцам, покуда быть-может другие славяне не приспеют на помощь и завершится тысячелетняя борьба.

Только на самом рассвете истории, когда опасность от Германии не была так близка и славянству в Чехии жилось привольнее, мы находим там поэзию, свободную от этих посторонних забот. Но и в ней уже слышится такое живое сознание борьбы за народность, какого нельзя заметить нигде в тогдашней Европе. «Не хвально нам в немцах искать правду, у нас правда по закону святу», говорит древнейшая поэма чешская, «Любутин Суд». «Пришел чужой насильственно в вотчину и стал приказывать чужими словами, и как делается в чужой земле с утра до вечера, так пришлось делать нашим деткам и жонам» – этими словами описывает Забой немецкое иго, призывая песнью своих родичей восстать про-

тив немецкого полководца Лю дека, этого араба над рабами короля. С восторгом изображал чешский певец, – как, благодаря Бенешу Германычу, «пришлось немцам взвыть и пришлось немцам улепетывать и было им побитие!»

«Мужи! да не будет от вас скрыто» – говорит старый князь Залабский, приглашая витязей на турнир – «да не будет от вас скрыто, по какой причине вы собрались. Храбрые мужи, я хочу узнать, которые из вас для меня пригодны. Во время мира мудро ждать войны: везде нам соседи немцы!»

Стихотворения, в которых мы встречаем столь ясное понимание рокового антагонизма с немцами, принадлежат к древнейшему периоду чешской истории. Первые из них, «Любушин Суд» и «Забой», относятся, если не повремени сочинения, то по содержанию, в IX веку; «Бенеш Германыч» и «Любуша и Любор» принадлежат к XIII веку.

«Любушин Суд» писан на пергаменной тетрадке, отличающей глубокою древность, так что многие приписывают и самую рукопись IX-му или X-му веку. Тетрадка эта была найдена в 1817 году Иосифом Коваржем, казначеем графа Коллоредо, в архиве замка сего последнего на Зеленой горе. «Забой», «Бенеш Германыч», «Людиша и Любор» (иначе «Турнир»), вместе с поэмами «Честмир и Власлав», «Ольдрих и Болеслав», «Збигонь», «Ярослав» и некоторыми небольшими стихотворениями входят в состав мелко исписанной пергаменной рукописи, отысканной покойным Ганкою в 1818 году в колокольне старой церкви в Кра-

ледворе, и потому известной под названием «Краледворской Рукописи». Это сборник стихотворений, писанный около 1280 года и которого нумерация показывает, что до нас дошло менее 1/7 его части. Это одно достаточно свидетельствует о богатстве поэзии, процветавшей в Чехии в первую пору её исторической жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.